Свет голубого огонька

Однажды после утренней молитвы славный султан Эль Хамир, король Хиджаза, распорядился послать за городским префектом.

– Префект, – обратился король, – прошлым вечером, около десяти часов, я встал с постели, подошёл к окну и заметил в городской темноте голубой огонёк, яркий и сверкающий. Он меня заинтересовал, и я хочу выяснить, кто наблюдал за мной. Приказываю провести тщательное расследование и узнать, кто и почему не спал прошлой ночью.

– Повинуюсь, Ваше Величество! – отвечал префект Джидды, почтительно кланяясь. –Однако расследование не потребуется! Должен сообщить, что свет исходил из моей молельни!

И прежде, чем король успел выразить удивление, префект скромно склонил голову к груди и продолжил:

– Я и моя семья провели ночь в молитве, прося Господа Всемогущего о долгом здравии Вашего Величества!

– Благодарю, мой друг, – искренне был тронут правитель, – ценю твою дружбу и преданность!

Повысив голос, он торжественно, с тактом произнес: – Твоя забота достойна моей милости. А теперь ступай, префект!

– От имени короля приказываю позвать главного визиря Муллина из свиты султана, выполняющего функции министра и секретаря.

– Дорогой министр, – заявил король, – я решил вознаградить тысячей золотых динар префекта этого прекрасного города Джидда!

– Тысячей золотых динар! Клянусь Аллахом! Это очень много! – прервал главный визирь, выпучив глаза от удивления. – Что же сделал префект, чтобы заслужить такой милости?

– Он совершил благородный и величественный поступок – доказал свою преданность.

И султан поведал, как происшествие со светом обернулось необычной исповедью префекта.

– Позвольте обратить Ваше внимание, – высказался министр, – Ваше Величество было обмануто этим недостойным человеком. Префект, насколько я знаю, не имеет семьи и молится в мечетях в строго установленное время. Он живёт убого в грязной лачуге за еврейским кварталом!

– Но…голубой огонёк, – настаивал король, – откуда светил?

– О великодушный король, я благодарен за Ваше доверие и признаюсь, – смиренно ответил министр. – Голубой огонёк, что впечатлил величественные очи Вашего Превосходительства, исходил от масляной лампы, освещающей мою лабораторию. Я провёл ночь без сна, размышляя о серьезных проблемах и вопросах, которые предстоит решить Вашему Величеству на сегодняшнем заседании! Клянусь Кораном, что это правда!

– Дорогой и смелый друг! – отвечал радостный и простодушный король, обнимая министра. – Как я восхищаюсь Вашей любовью и выполнением своего долга! И весело сказал: «Слово короля, Муллин! Вскоре Вы получите достойную награду за Вашу преданность!»

Как только министр ушёл, король приказал позвать генерала Мухиддина, главнокомандующего мусульманских войск Хиджаза, и сообщил ему, что он решил присвоить титул шаха Лоэя достойному министру Муллину; следовательно, генерал обязан выделить пятьсот солдат, которые будут находиться в постоянном подчинении нового сановника Хиджаза.

И добрый король, ничего не скрывая, поведал генералу историю о голубом огоньке и преданности министра.

– И Ваше Величество поверил ложным словам Муллина? – генерал пришел в неописуемый ужас. – Я прошу особого разрешения, дабы доказать, что смелый визирь забыл о должном уважении к славному султану и лгал, словно неверный!

Лживый префект! Обманщик министр! Как же королю установить истину? Как открыть тайну голубого огонька?

–Моя тайна, о, великий король! – скромно признал генерал, – я скрывал истину. – И сейчас я обязан раскрыть её. Огонёк, ночью привлекший внимание Вашего Величества, светил из моей палатки!

– Из вашей палатки, генерал! – воскликнул с восхищением арабский правитель, удивленный еще раз.

И генерал, не колеблясь, преподнёс третью версию случившегося:

– Разнеслись слухи о возможном поднятии мятежа некими племенами. Опасаясь за то, что бедуины, объединившись, поднимут восстание и ночью нападут на дворец, а также для безопасности жизни короля, мы разбили лагерь на окраине города.

Клянусь Богом! Властный султан не знает, как командир преданно несёт службу, как стоит на страже порядка и охраняет трон!

«Что же мне делать?» – думал король после ухода генерала. «Я предоставлю ему титул наследника престола Хиджаза и ежегодную пенсию в двадцать тысяч динаров! Нет…он заслуживает гораздо большего – он спас мою жизнь…корону ».

После долгих раздумий, король так и не пришел к удовлетворительному выводу и решил проконсультироваться со своим старым учителем и советчиком, рассудительным Али Эффенди.

– По моему ничтожному мнению, – размышлял мудрый мусульманин, – Вашему Величеству не нужно верить ни префекту, ни министру, ни генералу. Я думаю, что тот свет излучал новый маяк Эль-Басин, указывающий морякам вход в гавань и освещающий путь ночью.

Король с удивлением посмотрел на мудреца.

– Именно! Свет маяка! – воскликнул он.

Мудрец посоветовал проверить той же ночью, говорит ли он правду.

Так, через три часа после последней молитвы, когда ночь окутала город, султан Эль Хамир поднялся с кровати, вышел на веранду и взглянул на спящую панораму города. Его ожидал сюрприз: все были осведомлены о вознаграждении,

город пробудился, той ночью было необычайно ярко. Никогда не было столько голубых огоньков!

Тысячи лампад, фонарей и лампочек! Все хотели угодить могущественному правителю; дом министра даже походил на гарем халифа в ночь праздника Рамадан!

И доверчивый король Хиджаза понял тогда, что в его богатой и славной стране на каждого честного и преданного подчиненного был миллион лжецов и подхалимов.

Учёный-эфеолог

Во время моей последней поездки в Марокко, я встретился с весьма любопытным человеком, которого мне когда-либо приходилось видеть.

Я встретил его случайно в старом отеле Язид Эль-Кедим в Марракеше. Высокий худой с черной бородой и темными глазами; всегда носил куракулевое плотное пальто с поднятым вверх воротником. Говорил мало; во время случайных бесед с другими гостями не упоминал о каких-либо событиях, учителях и своем прошлом. Однако время от времени, рассказывал о научных наблюдениях, исследованиях, был очень эрудированным.

Кроме того, мало было известно о его имени – Владимир Николаевич. Путешественники, остановившиеся в Эль-Кедиме, знали, что этот таинственный джентельмен был заслуженным профессором Рижского университета, жившим в бегах за участие в революции против независимости Латвии.

Однажды вечером, как обычно, все собрались на ужин, где молодая русская писательница, Соня Балякина, читая роман, спросила меня:

– Сеньор, вы знаете, где находится река Фалгу?

– Что? Река Фалгу? – Я некоторое время безуспешно пытался найти что-нибудь в своем тайнике памяти, но должен был признаться, в своем невежестве; я не знал об этой реке, несмотря на то, что прослушал курс лекций в Московском Университете.

К всеобщему удивлению, таинственный Владимир Николаевич, куривший безмолвно в углу, словно превосходный русский экскурсионист, развеял все сомнения:

– Река Фалгу находится недалеко от города Гая в Индии. Для буддистов река Фалгу является священной, так как Будда, основатель великой религии, рядом с ней достиг просветления!

И до всеобщего удивления гостей, джентельмен, обычно молчаливый и серьёзный, продолжил:

– Река Фалгу необычна. Её русло, где она берет начало, покрыто песком; она кажется вечно высушенной, с бесплодной почвой, как в пустыне. Приближающийся путешественник не видит воду и не слышит её течения. Однако, копнув песок, обнаруживаешь поток чистой прозрачной воды.

И с простотой и ясностью, свойственной великим мудрецам, теперь он рассказывал нам любопытные вещи не только об Индии, но и о других частях света; например, рассказал нам в подробностях о филазанах, видах сидений, которые используют путешественники Мадагаскара.

– Какой талант. Какие завидные научные познания! – прошептал сидящий рядом католический миссионер.

Прекрасная Соня сказала, что нашла ссылку на реку Фалгу в книге Октава Фёйе́.

– О! Фёйе́, знаменитый французский романист! – прервал учёный джентельмен в каракулевом пальто. Октав Фёйе́ родился в 1821 и умер в 1890 году. Его произведения насыщены немного преувеличенными романтическими настроениями, критика тонко представлена, у него краткий и безупречный стиль!

С течением времени он привлек внимание всех, говоря об Октаве Фёйе́, Франции и французских писателях.

Он перечислял романы, цитировал Гюстава Флобера: «Саламбо», «Госпожу Бовари», «Воспитание чувств»…

– Его кругозор не ограничен географией, – добавил вполголоса старый миссионер.

– У него еще глубокие литературные познания!

На самом деле, точность и уверенность, с которой учёный Владимир приводил даты и имена, породила множество вопросов, но не осталось сомнений в его значительных познаниях.

В тот момент подул шквальный ветер. С силой ударил по окнам и ставням. Некоторые туристы, находящиеся в комнате, казалось, испугались.

– Не бойтесь, – успокоил Владимир.– Нет причин для страха и опасений…Фэй, великий астроном, который изучал теорию циклонов…

И он начал рассказывать о циклонах, лавинах, извержениях и других катаклизмах.

Я был крайне заинтригован, что, в конце концов, делал человек, настолько мудрый, редкостно эрудированный, скромно себя ведущий, под вымышленным именем в старом и скучном марокканском городе?

На следующий день, вернувшись с экскурсии по садам Эль Менара, я случайно встретился с ним во дворе прелестной мечети Касба. Я не удержался и последовал за ним.

– Сеньор, Вы восхитили нас вчера своими знаниями, – почтительно признался я. – Мы не могли себе представить, честно говоря, человека настолько образованного. В вашей академии, наверняка…

– Дорогой друг! – смиренно ответил он, постукивая меня по плечу. – Я не мудрец, ученый или профессор. Я знаю мало, или точнее сказать, ничего не знаю. Не заметил ли ты слова, которые я использовал? Фалгу, филазаны, Фёйе, Франция, Флобер, Фэй…все начинаются с буквы «Ф»! Я знаю только о словах, которые начинаются на «Ф»!

Я был еще более удивлен. Какой здравый смысл в таком необычном получении знаний?

Я вам скажу, – начал странный путешественник. – Я родом из Петрограда, и жил торговлей табака. Однако, по политическим причинам, я провел десять лет в сибирских тюрьмах. Осуждённый, который находился в моей камере до меня, оставил мне свою старую французскую энциклопедию. Я знал некоторые идиомы. И так как мне нечем было заняться, читал и перечитывал эти страницы сотни раз. Там всё начиналось с буквы «Ф». С тех пор я узнал много нового, но только о словах, начинающихся с «Ф»: фа, фабрика, фабула, фаворит, фагот…

И сказал он с улыбкой, в которой проскользнула тень тоски:

– Вы видите, мой друг, что мои знания весьма ограничены. Я разбираюсь только в эфеологии!

Я нашёл любопытным окончание оригинальной истории интеллектуальных познаний Владимира – торговца табаком.

Его ум можно сравнить с известной и почитаемой рекой Фалгу в Индии. Похоже, обладая огромным потоком, глубокими и бурными знаниями, его эрудиция, вызывающая изумление, не выходит за рамки отдельных глав в старой энциклопедии, украшенных буквой «Ф».

Несомненно, это был человек, который превосходно владел наукой, которую он сам назвал «Эфеология»!

Завещание короля Хиббана

В те времена в Мокале правил могущественный Хиббан, один из самых хвастливых повелителей на свете. Его единственной заботой было подражание знаменитым императорам и выдающимся историческим личностям.

Я слышал, как он говорил, что самые известные правители мира произносили перед смертью фразу, сохранившуюся впоследствии в веках. Александр Великий, например, на смертном одре в окружении близких, когда его спросили, кто овладел необъятными территориями и сокровищами, ответил: «Самый достойный!» Цезарь, властный римский диктатор, увидев, что его приёмный сын собирается нанести ему смертельный удар, произнёс: «И ты, дитя моё!». Император Нерон, убийца и поджигатель, прежде чем убить себя, сожалея о своём уходе, с небывалым высокомерием произнёс: «Какой великий артист погибает!». Суровый Флавий Веспасиан, правящий Римом десятилетие, предчувствуя час смерти, поднялся с кровати и произнес: «Император должен умереть стоя».

Также, когда придёт его час, – думал король Хиббан, – он прославится, произнеся знаменитую фразу, которая останется на страницах истории, блестящую фразу, увековечивающую его имя, приносящую известность и славу.

Но какую фразу? Что он должен сказать подчиненным в последние моменты своей жизни? Дать советы? Сыпать проклятиями? Произнести что-то необычное?

В сомнениях, так как к нему не пришла ни одна подходящая идея, король Хиббан послал за своим талантливым секретарём, Салимом Сади, человеком, которому он полностью доверял и на которого рассчитывал. Он просил сохранить всё в тайне из-за своего болезненного высокомерия и доверил подчиненному, что ему нужна посмертная фраза, с помощью которой он бы прославился, чтобы она стала известной и разлетелась по всему миру!

После некоторых размышлений, заслуженный секретарь ответил:

– Я знаю, о повелитель, выражение Мазука, славного курдского поэта, очень поучительное! Если Ваше Величество произнесет его на курдском диалекте, это будет оригинально, так ещё никто не поступал. Ни непобедимому Александру Великому, ни знаменитому Цезарю не приходила такая идея! Кроме того, это выражение наполнено благородным желанием, гениальными мыслями и достойно истинного короля.

– Грандиозно, – согласился король. – Оно полностью мне подходит и славно послужит королю Мокалы. В конце концов, это выражение великого Мазука. Я его желаю выучить.

И умный Салим Сади, оправдывая доверие, выучил правителя мастерской фразе Мазука, великого поэта Афганистана:

«*Naib aq vast y harde nosteby katib*»,

Что в переводе (заявил Сади) означает следующее:

«Я забыл о своих ошибках, потому что у них было благое намерение».

Король запомнил выражение, повторив про себя несколько раз.

Однажды, почувствовав себя плохо, король созвал советников, визирей, приближенных и сановников и объявил, что хочет сказать предсмертные слова и выразить свою последнюю волю.

Поднявшись с постели, дрожа, бледнея, он громко воскликнул, торжественно и с чувством, чтобы все слышали:

“Naib aq vast y hard nosteby katib”.

Так сильно было напряжение в тот момент, что гордый король упал в обморок и умер.

Эта сцена с неожиданным финалом глубоко впечатлила присутствующих.

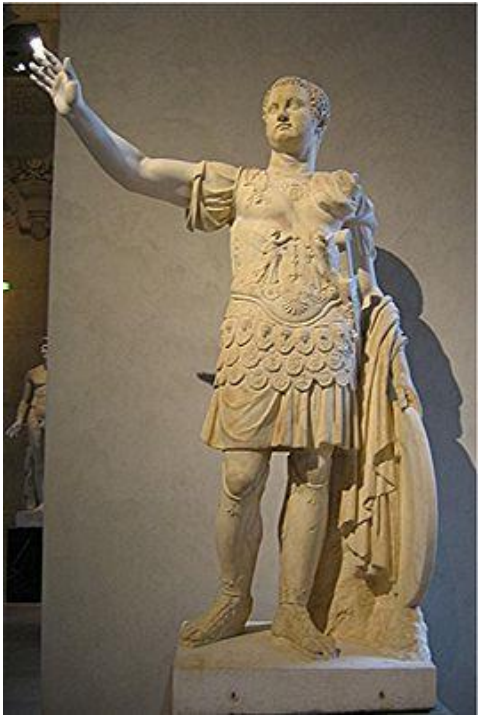
– Но что сказал король Хиббан? – спрашивали друг друга придворные, никто во дворце не знал сложного курдского диалекта.

Десять писарей слово в слово передали последнюю волю его Величества. Вскоре после этого прославленными профессорами Мокалы был сделан перевод, который, словно бомба, шокировал приближенных и мгновенно распространился среди мусульман.

Что же, умирая, произнес король Мокалы?

Правда стала известна всей стране. Благодаря разъяснениям мудрецов и философов, люди с удивлением узнали, что могущественный Хиббан, правитель Мокалы, сказал следующее:

«Я все завещаю своему секретарю!»



Славный Чань Нали

Много веков назад на Востоке при царствовании династии Вэй, жил-был добрый старец, китаец по имени Чань Нали, который, несмотря на трудности и крайнюю нехватку денег, посвятил свою жизнь изучению философии и стал одним из самых мудрых людей Китая.

Нередко доктора школы Чуан Цзю, желающие получить разъяснения по той или иной теории, прерывали свои нескончаемые дискуссии и торжественно направлялись в цветастых мантиях к скромному дому Чань Нали, который знал взгляды мудрецов, все секреты священных книг, умел объяснить тайны обрядов и символов.

Несмотря на то, что его чтили профессора, высокопочтенные сановники, и к нему наведывались достойные буддийские монахи, старательный Чань Нали не был счастлив; пыткой для него было состояние бедности, которое он влачил изо дня в день. То ли из-за того, что большинство свободного времени мудрец посвящал исключительно учению, то ли потому что он не умел получать доход от работы, Чань Нали с трудом сводил концы с концами. Уроки он давал все реже, и поэтому философу не хватало денег даже на чашку риса и пачку чая.

«Если я живу бедно, – решил однажды Чань Нали, – это потому что о моих многочисленных исследованиях и фундаментальных работах, созданных для повышения интеллектуального уровня моего народа, не знает великий император Чан-чань Цзэнь. Я уверен, что «Сын Солнца» может предоставить мне небольшую пенсию, чтобы более эффективно работать над исследованиями и философскими вопросами».

В один прекрасный день, когда финансовые трудности побороли скромность, мудрец Чань Нали собрал все свои самые ценные труды и направился с ними к императору, добившись личного приёма.

Дойдя до ослепительных залов Небесного дворца, добрый Чань Нали вынужден был преодолеть тридцать один богатый квартал, где почтенные мандарины, приближенные ко двору,

восседали на лавках, устеленных шелковыми коврами, курили и беззаботно болтали, играли в шахматы из золота и слоновой кости и медленно попивали чай с розой и гвоздикой.

На приёме у могущественного императора бедный мудрец, стоя на коленях перед пурпурно-золотым троном, кратко и скромно демонстрировал свои работы, исследования, книги, написанные в ночные часы печали, рассказывал о том, как он наставлял ученых докторов.

Правитель Китая изумлялся, слушая Чань Нали, чье лицо, худое и изнеможённое, вызывало жалость даже у самого равнодушного.

«Вы, о мудрый мандарин! – заявил король, – судя по вашим речам, Вы человек обширных знаний и восхищаете своей моральной добродетелью. Всё, что Вы делаете для Китая и моих подданных, достойно высокой награды. Я не могу оставаться к Вам равнодушным, и обязан проявить щедрость и справедливость как к человеку, сделавшему большой вклад в науку и религию!»

Император Чан-чань Цзэнь встал, серьёзно и торжественно перед всеми мандаринами произнёс:

«Я, наследник династии Вэй, Сын Солнца, заявляю, что постановил наградить прославленного Чань Нали за проведенные исследования и работы титулом «Великого Мудреца Китайской империи» и дать ему исключительную привилегию носить двенадцать пуговиц на одежде!»

Вся знать апплодировала с одобрительными возгласами постановлению несравненного правителя. Мудрец Чань Нали пожелал всего доброго и поцеловал полы всех знатных господ дворца Вэй.

С этого дня Чань Нали пришил двенадцать пуговиц к одежде (что давало ему неоспоримые привилегии!) и к нему начали обращаться только с приставкой «Великий Мудрец Китайской империи».

Несмотря на эти почести и королевское великодушие, Чань Нали вскоре понял, что его положение не изменилось. Бедность продолжала мучить его, и голод не отступил от дверей его деревенского жилища.

Какой толк от регалий мудреца – двенадцати пуговиц на одежде, если он не в состоянии приобрести горсть риса, чтобы удовлетворить голод? Что хорошего от титула и почестей для бедных, если они не получают даже мизерного жалования на покупку чая или куска рыбы?

Если бы он только начал просить милостыню, стоя на площадях и возле киосков, у него бы были ресурсы для пропитания! Но, нет! Какой бы это был позор для страны, если бы китайский народ узнал, что великий мудрец империи протягивает руку, прося милостыню!

Привыкнув к созерцанию и посвятив свою жизнь исследованиям, он никогда не думал о том, чтобы получить требующую физических усилий специальность, какая была у большинства китайцев. И не было бы правильным, если бы он, великий мудрец китайской империи, получивший право ношения двенадцати пуговиц на одежде, работал ткачом или производителем бумажных фонариков.

Чтобы принести еще больше благодати почтенному правителю, великий мудрец Чань Нали закрылся в своем жилище и начал писать новую и удивительную «Историю эволюции философии Китая».

Ночью, когда город спал, а разбойники в плащах осматривали пустынные улицы, Чань Нали покидал свою бедную хижину и отправлялся на поиски остатков рыбы, выброшенной рыбаками на берегу реки Чжуан, чтобы найти себе пропитание и смягчить чувство голода.

Окончив свой труд, великий Чань Нали прибыл на приём к императору Китая еще раз, чтобы посвятить ему потрясающую новую работу, плод исключительных познаний и завидного трудолюбия.

Невозможно описать с помощью китайских односложных языковых ресурсов то, с каким изумлением и бесконечными одобрениями приняли работу мудреца. «История эволюции философии Китая» была работой, демонстрирующей гениальность и мудрость автора.

В восторге от нового литературного творения, которое внесло вклад в развитие Китая, император в тот же миг собрал всех знатных

вельмож и перед придворными, слушающими его в молчании, говорил:

«Посвященные сыны династии Вэй! Я восхищен новой работой великого мудреца Чань Нали. Учёный автор «Истории эволюции философии Китая» заслуживает новую награду, достойную его блестящего таланта!»

И при нескрываемом удивлении почтенных мандаринов император Чан-чань Цзэнь провозгласил громким голосом, брызжа слюной от удовольствия:

«Я, наследник династии Вэй, Сын Солнца, наделяю великого мудреца Чань Нали (который уже может похвастаться двенадцатью пуговицами на одежде!) исключительной привилегией на ношение двух павлиньих перьев на шляпе!»

Все придворные были единодушны, что император проявил щедрость и справедливость, дал высшую похвалу трудам учёного. Новое императорское право, предоставленное великому мудрецу, несомненно, высшая награда, которую можно только получить.

С этого момента Чань Нали мог пойти в храм, на закате прогуливаясь по садам, среди киосков, с двумя павлиньими перьями, торчащими из шляпы.

«Блаженны Вы, Чань Нали, – вторила китайская знать, прикладывая руки с длинными ногтями к груди. – Вы единственный человек в мире, который имеет право носить два павлиньих пера на шляпе! Ваше имя, о, славный философ, войдет в историю и станет бессмертным!»

Когда мандарины начали по традиции обнимать великого мудреца и целовать подолы его платья, он пошатнулся, словно пьяный, закатил глаза и упал наземь без сознания.

Великодушный царь и придворные, не раздумывая, решили, что учёный упал по причине сильных эмоций от нового решения небесного императора. Они заблуждались, однако, бедный Чань Нали упал наземь от слабости и недоедания, у него не было сил, чтобы стоять!

Заботливые мандарины отвели учёного на один из самых больших балконов во дворце, вымощенный слоновой костью. Они дали ему сахар

и душистый миндаль, размахивая перед бледным лицом шелковым опахалом.

Постепенно приходя в себя, великий мудрец восхитился прекрасным садом, окружающим дворец короля. Среди цветущих роз в тени деревьев с поющими красивыми птицами, игрались, лая, две собаки.

Понаблюдав за борьбой собак, мудрый Чань Нали начал смеяться с неожиданной бодростью.

– Что вы смеетесь? – спросил император, достойный Сын Солнца, от любопытства.

– Справедливый правитель, – отвечал мудрец, наклонившись так, как позволило ему состояние. – Я должен Вам поведать, что в жизни я учил язык собак. Поэтому я не мог обуздать смех, услышав, как черная собака с длинными ушами критиковала своего оппонента!

– Скажите! – настаивал правитель, заинтересовавшись. – Объясните, что черная собака с хриплым лаем имела в виду!

С покорной улыбкой мудрец ответил:

– Я понял, что черная собака энергично обвиняла другую: «Жалкое существо! Я отыскал эту кость и хочу, чтобы она была моей! Ты не видишь, что великий мудрец Чань Нали, пришедший на приём к императору, отдаёт вместе с ногой свою кость, разве ты не хочешь её сгрызть?» Другая собака завизжала: «Это великий мудрец китайской империи, человек, имеющий право носить двенадцать пуговиц на одежде, разве его кости нужны только собакам на съедение?» Взбешенный, черный пёс возразил: «Разве ты не знаешь, мой друг, что великий мудрец не ел несколько дней? И, несмотря на это, достойный Чань Нали отдает свою кость на съедение!»

Услышав подобные откровения, великий император Чан-чань Цзэнь, Сын Солнца, взволнованно взмахнул своим драгоценным жемчужным веером:

– Это правда, о, выдающийся и красноречивый Чань Нали! Это правда, что только что сказал пёс? Вы голодаете и страдаете из-за своих постоянных исследований?

– К сожалению, правитель! – признался мудрец, растягивая слова, – ваша великолепная и высокомерная собака была права, у меня четыре дня не было во рту ни единой крошки!

– Как возможно! – взволновался император, – собаки лучше меня знают потребности моих подданных? О! Тридцать тысяч идолов Шанхая! Как я был несправедлив и невеликодушен к великому китайскому мудрецу! К счастью, однако, еще есть время, чтобы все исправить, и я клянусь, мудрецы и учителя, что те, кто жертвует для развития науки и культуры, больше не будут нищенствовать!

И великий император Китая, не медля, даже не собрав почетных министров, секретарей и благородных мужей, сказал:

– Я признаю, что был несправедлив к смелому Чань Нали. Мне только что сообщили, что этот экстраординарный философ голодал из-за отсутствия средств на покупку риса!

И великодушный правитель с чувством произнес эту замечательную фразу:

– Я, наследник династии Вэй, Сын Солнца, наделяю великого мудреца Чань Нали, который уже может похвастаться двенадцатью пуговицами на одежде, и имеет право ношения двух павлиньих перьев на шляпе, исключительной привилегией на ношение желтого галстука!

Через несколько дней Чань Нали, известный своими интеллектуальными способностями по всему Китаю, бедный и брошенный, умер от голода и страданий в соломенной хижине.

Славному императору Чан-чань Цзэню, Сыну Солнца, не сообщили о смерти старого мудреца, потому что именно в этот день богатый и щедрый правитель был обеспокоен украшением двадцатью тысячами фонарей Небесного Дворца в честь свадьбы его прекрасной дочери Ли Синли.

Историки утверждают, что этот праздник обошелся в целое состояние, более ста тысяч золотых.

Нос короля Махендра

Давным-давно жил-был глупый король с кривым, чудовищным, ужасным носом.

Не признавал, однако, бедный король, этот недостаток и считал себя эталоном мужской красоты. Несчастным, издевающимся над ним, и тех, кто говорил, что у короля уродливый носище, он отрубал язык!

Однажды король Махендра, забыл упомянуть, что у него было прозвище «носатый», сказал министру:

«Я хочу, чтобы в моём дворце висел мой портрет, чьей безукоризненностью все бы восхищались».

Министр послал за лучшими художниками страны. Самому искусному и умелому полагался приз – слон, дворец и сундук драгоценностей.

Вызвались три умелых художника: Кедар, придворный живописец; Мериэм, арабского происхождения; и молодой Фаузи Налик, сириец с большим талантом.

Кедар, взяв холст, создал ловкими движениями кисти идеальный портрет, изобразив нос короля таким же огромным и чудовищным.

Когда король Махендра увидел этот гротескный рисунок, то был в ярости:

«Дерзкий! Жалкий! Изобразил меня в виде пугала!»

И велел повесить художника.

Мериэм, второй художник, видя печальный конец своего товарища, решил, что разумно не подражать школе реалистов. Та картина не увенчалась успехом. И араб изобразил короля с идеальными чертами лица. Это было истинное произведение искусства.

Новая работа еще больше привела в ярость правителя. Мужчина на картине Мериэма был красив, и ничего общего с королем не имел, особенно отличался нос.

«Этот художник дразнит меня! – сердито крикнул король. – Этот портрет не похож на меня! Это настоящее издевательство».

И велел повесить несчастного Мериэма.

Дошла очередь до молодого Фаузи Налика, сирийского художника.

«Я пропал», – сказал он себе. «Если я нарисую короля с кривым носом, меня ждет виселица; если изменю его лицо, меня также повесят!»

И все в городе уже оплакивали его, предвещая печальный конец.

В день, когда будет сделан последний штрих, на шею накинут петлю!

Однако, ко всеобщему удивлению, этого не произошло. Король был в восторге от работы талантливого Фаузи Налика.

«Действительно, – высокомерно и удовлетворенно провозгласил король, – это мой истинный портрет».

И он распорядился без промедления вручить молодому художнику обещанные награды: слона, дворец и сундук драгоценностей.

Когда Фаузи Налик, сияющий от счастья, покинул королевский дворец, он оказался в окружении друзей, которые засыпали его вопросами:

– Как? Как ты сотворил чудо? Ты нарисовал уродливый нос короля или нарисовал его без носа? Ты совершил подвиг.

– Я посчитал, – сказал умный мальчик, – нарисовать короля таким, каким он есть. – Однако, ко мне пришла идея изобразить его при охоте на тигров и его оружие идеально закрыло его гротескный и чудовищный нос! И, отойдя, улыбаясь, добавил: – Если бы у короля Махендра был бы неприглядный не нос, а нога, я бы нарисовал, как он купается в воде по пояс.

Панталоны Салима

В третий раз, мой друг, я приглашаю тебя посетить вместе с нами город Амида на берегу Тигра, превращенного римлянами в крепость, и в торговый центр – турецкими завоевателями.

Амида, названный позднее Диярбакыр, окружен гигантскими стенами, спасшими город не только от землетрясений, но и от фанатичных солдат Тимура.

Я мог бы показать вам посреди большой площади красивую мечеть Улу Джами, чей тридцатидвухметровый минарет покрыт любопытными персидскими надписями, датируемыми VI веком нашей эры.

– Когда же была построена сама мечеть?

– Я польщен вашим вопросом, но, признаюсь честно, не знаю. Только Аллах знает правду! Давайте, однако, насладимся раритетами, стоящими перед нами в великой мечети Улу Джами, въезд куда запрещен христианам, идолопоклонникам и иудеям под страхом смерти.

Я хочу, дорогой друг, прежде чем мы войдем в храм, обратить твое внимание на этот источник, искусно сделанный из розового мрамора, арабы его называют источником Салима.

Имя Салима, несмотря на свою простоту, напоминает нам об одной очень старой и интересной истории, и я не хочу упустить возможность поведать и вам о ней.

Когда-то давным-давно жил в Амиде молодой человек по имени Салим Абеш, сын купца, сколотившего состояние на погонщиках верблюдов, азартных игроках и работорговцах, посещающих его кабаре.

После получения отцовского наследства, Салим Абеш отказался от ведения дел и жил в праздности и расточительстве.

Богач страдал безудержной манией к причудливым вещам, чем удивлял жителей города, редко Салим не шокировал любопытных жителей Амида новым нарядом. Так, однажды он появился в синих панталонах и в шелковой куфии, хвастая тюрбаном «в три оборота» с зелеными полосками, которые характеризуют потомков Пророка. В

другой раз он был замечен в белом платье с желтым поясом и в туфлях с согнутыми носками, что носили знатные персы Испании.

Если кто-то пытался критиковать его причудливую манию выряжаться, он твёрдо отвечал:

– Мы живём по закону Корана, Книге Аллаха! В 114 главах Священной Книги, где есть ограничения на высокомерие, мне не удалось найти ни одного слова против того, чтобы красоваться перед людьми.

На данный момент Салим был прав. Религиозная книга мусульман, будучи подлинным моральным и политическим кодексом, не упоминала о тех, кто грешит хвастовством и кичливостью. Коран рассказывает о поэтах, молитвах, военнопленных, ростовщичестве, магии, супружеской неверности, обжорстве, азартных играх и о сотне тысяч других вещей, касающихся жизни и смерти существ; о хвастовстве, однако, ничего не упоминается.

По пятницам перед входом в мечеть самодовольный Салим совершал омовения в источнике; он приступал к той части религиозных ритуалов, которые были доведены до совершенства. Две черные рабыни окропляли его водой и драгоценным индийским парфюмом.

Издалека горожане наблюдали за нашим героем и ворчали от антипатии и злобы:

– Слабоумный! Собака, сукин сын! Волчья душа чище, чем у тебя, шакала!

И Салим также презирал всех вокруг.

Однажды по площадям и базарам разнеслась весть о свадьбе Салима. Невеста была дочерью одного из самых богатых шейхов города, который отдавал в приданое четыреста наездных верблюдов. Извилистые уголки Амида с многочисленными магазинчиками заполнились слухами.

Гордый Салим уверил отца невесты:

– Мой брак войдет в историю Месопотамии!

Так, на самом деле и должно было случиться, потому что жених был богат и не жалел золота на удовлетворение своих капризов.

Свадьба Салима проходила с размахом, которого еще никто не видел. Прямо во дворе своего дома он соорудил большой деревянный помост, на который жених и невеста должны были выйти семь раз, каждый – в новом костюме. Невеста всегда была с закрытым плотным покрывалом лицом, однако, гости, заполнившие двор, могли оценить платья молодых, в особенности, наряды Салима.

В разгар церемонии, когда Салим выходил на помост в третий раз, чтобы продемонстрировать роскошный гардероб, произошло досадное недоразумение.

Услышав восторженные возгласы друзей, Салим поклонился, чтобы отблагодарить их. Всё произошло так резко, что панталоны Салима развязались и упали.

Толпа разразилась смехом. Хвастливый жених выглядел немыслимо смешно; представьте любопытные взгляды, устремленные на голое тело, белую блузу и зеленую чалму.

«Какой скандал! Какой позор! » – вырвался чей-то смех.

Салим сразу же осознал чудовищность катастрофы. Подняв панталоны, он убежал к себе домой и спрятался.

В городе только и говорили об этом, присутствующие с интересом описывали трагедию Салима с громким смехом.

«Штаны Салима упали!»

В кафе, банях, на рынках и в мечетях единственной темой для разговоров был случай, как у Салима упали штаны.

Салим понял, что его жизнь в стенах Амида стала совершенно невыносимой; везде, где он появлялся, слышались издевательства, насмешки и шутки.

И вот однажды ночью, никому не сказав, он решил отказаться от земли, где его шаги напоминали об этом казусном случае. Он отказался от жены, друзей и владений и бежал, не оглядываясь, под видом купца вместе с караваном за Басру, главный город персов, в старую Испанию.

Тридцать лет спустя Салима стала томить ностальгия по своей земле и народу. И все, что он

заработал, решил продать для того, чтобы встретить старость в городе, котором родился.

«Меня уже никто не помнит,» – думал Салим. «Кто может еще помнить этот печальный эпизод моей свадьбы! Я могу спокойно жить и поднимать глаза в родное небо».

Большим караваном в сопровождении слуг и рабов, Салим Абеш вернулся в Амиду.

Поездка была долгой, напряженной и не без приключений.

На подъезде к городским воротам, Салим увидел мальчика десяти-двенадцати лет, резвого и веселого, потешающегося над привязанной козой. Этот ребенок был первым, кого Салим встретил из города после тридцати лет отсутствия .

«– Привет, парень!» – сказал он. «– Как тебя зовут?»

«Мальчик без колебаний ответил:

– Я Самир, сын Текрита бен Дажалида!

Дажалид! Услышав это имя, у Салима забилось сердце. Дажалид, отец Текрита, был одним из его хороших друзей, веселый компаньон. «Хвала Аллаху! Судьба приготовила мне благополучное возвращение – встречу с потомком человека, который был ему дорог».

И от любопытства он спросил:

– Самир, твой дед Дажалид жив?

«– Он живет на площади Эль-Гадир, недалеко от дворца губернатора».

«Эль-Гадир? – Салим нашёл странным этот ответ, потому что на этой площади у него было несколько имений. И, желая услышать подробности, он спросил: – С какого времени твой дед живёт в Эль-Гадир?»

Мальчик ответил:

«– Я не знаю точно. Мне сказали, что мой дед живёт там с момента, когда у Салима упали панталоны!»

Услышав эти слова, Салим побледнел и почувствовал, словно нож полоснул его сердце. Безобидный ответ, невинно произнесенный мальчиком, показал, что народ всё еще помнил о самом позорном эпизоде его жизни. Его тридцатилетнее отсутствие ничего не поменяло. Эти люди из поколения в поколение передавали

историю о панталонах. На базарах, в залах и других общественных местах люди только пересказывали, смеясь, трагическую сцену об обмороке невесты и побеге жениха, о насмешках мстительных и жестоких людей!

Салим, подавленный этой новостью, обратился к главе каравана:

– Друзья! Мы разобьем лагерь за пределами города, а завтра, по воле Аллаха, мы вернемся назад. Ворота этого города останутся навсегда закрытыми для меня.

И в сумерках, наблюдая за треском огня в своем шатре, Салим плакал, как человек, обреченный на смерть без Родины и семьи.

Его брак, действительно, вошел в историю Месопотамии. Однако, не принес ему величия, как он мечтал, но стал наказанием от Бога за его стремление выделиться.

Слон султана

Историк, желающий составить список самых жестоких властителей исламских земель, обязательно включит имя султана Али-Хассана Эль-Мутталида, правящего Марокко четверть века.

Султан владел диким слоном, который постоянно пугал жителей города.

Время от времени громадный Букира, так звали слона, сбегал из дворца, где его держали, и опустошал сады частных домов.

Как могут люди жить в тишине и спокойно кушать кускус, когда существует опасность, серьезнее ветра пустынь, разоряющая не дворцы богатых, а скромные хижины бедняков?

«Великий Аллах! – перешептывались самые смелые. – Мы должны выступить против этой приступной прихоти султана! Слон не может оставаться в городе».

Не было, однако, среди них настолько храбрых мусульман, чтобы совершить насилие над Букиром; все боялись султана Мутталида. Марроканский правитель был мстительным и жестоким.

Нужно было, однако, разрешить проблему. Неслыханные разорения не могли дальше продолжаться.

В конце концов, втайне собралась группа единомышленников. После долгих и бурных обсуждений, заговорщики составили план: записали всех присутствующих и тот, чье имя вытянут, должен был любым способом убить слона султана.

Жребий пал на халифа Омара Бен-Зияд, одного из самых образованных и престижных людей Марокко.

Ирония судьбы. Как может он, человек образованный, не встречавший в жизни потрясений, бросить копье в слона? Было бы глупо жертвовать жизнью ученого, верующего в Аллаха, ради какой-то скотины неразумной!

Доводы халифа оказались весомыми. Нельзя в мгновение превратить человека, следующего закону и Корану в охотника слонов. Поэтому жребий был брошен еще раз.